

DOI: 10.25178/nit.2025.1.10

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР

Статья

Формульный стиль устной поэзии тюркских народов

Жансеит К. Туймебаев

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан,

Джемма Б. Аманжолова

Astana IT University, Республика Казахстан,

Кайрат Жанабаев, Айжан Ш. Тургенбаева

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан

В статье анализируются особенности формульного стиля устной поэзии тюркских народов, ритмических, лексических и синтаксических свойств, а также выявляется функциональная природа формульных единиц. Анализ основан на теории устной традиции М. Пэрри и А. Б. Лорда. Формулой понимается группа слов, регулярно употребляемая в одинаковых метрических условиях для воплощения заданной основной идеи в поэтических текстах казахских, ногойских, каракалпакских, крымско-татарских жырау и образцов тувинской обрядовой лирики.

Анализ формульных механизмов организации устной поэзии тюркских народов позволил установить, что звуковые повторы в традиционной казахской, тувинской и ногойской поэзии не только задают композиционную рамку произведения и поддерживают ритмическую организацию текста, но также выполняют важную суггестивную функцию. Анафорические формулы создают эффект магического внушения и связи с сакральными силами, а монорифменные повторы, семи- и восьмисложные структуры стиха упрощают запоминание текста и его передачу от поколения к поколению.

Выступая стилистическим приемом, формула придает устной речи изобразительность и выразительность. Она усиливает динамику образа и интонации, организуя речь ритмически. Анализ звуковой структуры и традиционной семантики устной тюркоязычной поэзии выявил комплексно-звуковую и функциональную природу ее различных формульных единиц, привел нас к пониманию связи звуковых формул с первичными трансформациями — ритмическими закланиями, магией, суггестией.

Ключевые слова: устная теория; формульный стиль; жыр; стих; жырау; тюркская поэзия; казахский фольклор; ногойский фольклор; тувинский фольклор

Данное исследование финансируется Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № AP23486380 «Тюркские языки Казахстана в условиях духовной модернизации общества: от графики к эпическому тексту»).

Для цитирования:

Туймебаев Ж. К., Аманжолова Д. Б., Жанабаев К., Тургенбаева А. Ш. Формульный стиль устной поэзии тюркских народов // Новые исследования Тувы. 2025, № 1. С. 134-145. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.10>

Туймебаев Жансеит Кансеитович — доктор филологических наук, профессор, ректор Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: Республика Казахстан, 050000, г. Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: turkology.ri@gmail.com

 Аманжолова Джемма Болатовна — кандидат филологических наук, ассистент-профессор Astana IT University. Адрес: 010000, Казахстан, г. Астана пр. Мангилик Ел, 55/11, С1. Эл. адрес: jemma.aman@gmail.com

Жанабаев Кайрат — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования казахского фольклора и литературы имени Жамбыла Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: Республика Казахстан, 050000, г. Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: ovlur1963@mail.ru

Тургенбаева Айжан Шохановна — старший преподаватель Центра «ЗОЖ» Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: Республика Казахстан, 050000, г. Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: 2008.1985@mail.ru

TURKIC-MONGOLIAN WORLD

Article

Formulaic style of oral poetry of Turkic peoples

Zhanseit K. Tuimebayev*Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan,***Jemma B. Amanzholova***Astana IT University, Republic of Kazakhstan,***Kairat Zhanabayev, Aizhan Sh. Turgenbayeva***Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan*

The article analyzes the characteristics of the formulaic style in the oral poetry of Turkic peoples, focusing on its rhythmic, lexical, and syntactic properties, as well as identifying the functional nature of formulaic units. The analysis is based on the oral tradition theory developed by M. Parry and A. B. Lord. The study examines groups of words that are regularly used in identical metrical conditions to convey a given central idea in poetic texts of Kazakh, Nogai, Karakalpak, and Crimean Tatar zhyrau traditions, as well as in samples of Tuvan ritual lyrics.

The analysis has established that sound repetitions not only provide a compositional framework and support the rhythmic organization of the text but also serve an important suggestive function. Anaphoric formulas create an effect of magical incantation and connection with sacred forces, while monorhymed repetitions, along with seven- and eight-syllable verse structures, facilitate memorization and the transmission of texts across generations.

As a stylistic device, the formula enhances the imagery and expressiveness of oral speech. It reinforces the dynamics of imagery and intonation while rhythmically structuring speech. The study of the sound structure and traditional semantics of Turkic oral poetry has revealed the complex phonetic and functional nature of its various formulaic units, leading to a deeper understanding of the connection between sound formulas and their primary transformations — rhythmic incantations, magic, and suggestion.

Keywords: oral theory; formulaic style; zhyr; verse; zhyrau; Turkic poetry; Kazakh folklore; Nogai folklore; Tuvan folklore

Financing

This research is funded by the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (grant No. AP23486380 “Turkic languages of Kazakhstan in the conditions of spiritual modernization of society: from graphics to epic text”).

For citation:

Tuimebayev Zh. K., Amanzholova J. B., Zhanabayev K., and Turgenbayeva A. Sh. Formulaic style of oral poetry of Turkic peoples. *New Research of Tuva*, 2025, no. 1, pp. 134-145. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.10>

TUIMEBAYEV, Zhanseit Kanseitovich, Doctor of Philology, Professor, Rector, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 71, Al-Farabi Ave., 050000, Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: turkology.ri@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5495-1686

AMANZHOLOVA, Jemma Bolatovna, Candidate of Philology, Assistant Professor, Department of General Education Disciplines, Astana IT University. Postal address: C1 55/11, Mangilik El Av., 010000, Astana, Republic of Kazakhstan. E-mail: jemma.aman@gmail.com

ORCID: 0000-0002-3153-5169

ZHANABAYEV, Kairat, Candidate of Philology, Leading Researcher, Center for the Study of Kazakh Folklore and Literature, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 71, Al-Farabi Ave., 050000, Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: ovlur1963@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4755-6631

TURGENBAYEVA, Aizhan Shokhanovna, Senior Lecturer, The “Healthy Lifestyle” Center, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 71, Al-Farabi Ave., 050000, Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: 2008.1985@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4888-5966

Введение

Носители тюркской эпической традиции сохранили для человечества бесконечно огромное число поэм. Устные тюркоязычные памятники, возникшие после распада Золотой Орды¹, стали частью общего тюркского наследия. Прежде всего, это: поэзия жырау² XV–XVIII вв., эпос об «Алпамысе»³, о «Едиге»⁴ и другие. Как пишет М. Магауин, «тюркологи нашего времени до сих пор не могут точно определить, достоянием которого из современных тюркских народов они являются» (Магауин, 1978: 6).

Тюркский «эпический стиль выводится из поэтической техники», как писал известный тюрколог Е. М. Мелетинский (Мелетинский, 1963: 12). Ее структурные элементы имеют свои особенности, специфику традиционного образного стиля, всей художественно-определяющей системы. В том числе: устойчивые лексические сочетания-повторы, постоянные эпитетные двучлены, иносказания (каз. *астарлы сөздер*), символы и коды, полные метафорических значений и т. д.

Целью статьи авторы видят в исследовании особенностей формульного стиля устной поэзии тюркских народов, анализ ритмических, лексических и синтаксических свойств, а также выявление функциональной природы формульных единиц.

Объектом нашего рассмотрения стала устная поэзия казахов, тувинцев, ногайцев и крымских татар, предметом — ее формульный стиль (*formulaic style*).

Formulaic style — термин американских фольклористов М. Пэрри (Parry, 1930) и А. Б. Лорда (Lord, 1964). Они первые исследовали и описали законы создания, сохранения и передачи устной поэзии, функции ее устойчивых единиц — формул, регулярно воспроизводимых для выражения какой-либо существенной идеи. Эта формула (заготовка, жанровая заставка) может содержать какой-либо существенно важный для идеи образ, черту характера, признак события и в силу емкости приспособлена к соответствующей его идее тематической или фразеологической ситуации. Таким образом, формульный стиль представляет собой совокупность действий звуковых повторов, стандартизированных фраз, устойчивых оборотов, постоянных эпитетов, однородных стилистических конструкций и т. д., употребляемых в процессе создания и передачи устным автором или исполнителем своего произведения. Также сюда могут быть включены приемы его поэтической техники, служащие основным «строительным» материалом его произведений.

Формульный стиль устной тюркоязычной поэзии имеет свои ритмические, лексические и синтаксические свойства, которые выступают основным средством реконструкции поэтического мышления. Они же сыграли основную роль в сохранении устной поэзии тюркских этносов. В казахской традиции эпос воспринимается как опыт, *Дала Ілімі* 'Степное Знание', а традицию передачи его из уст в уста, от поколения к поколению — *Атадан балаға* 'от предков — к потомкам'.

Авторы решали следующие задачи: 1) раскрыть формульные законы организации устных произведений в контексте *Oral Tradition* 'устной теории' Пэрри-Лорда (Parry, 1930) и провести анализ звуковой структуры (ассонанса, аллитерации, анафоры, повторов) в текстах традиционной казахской, тувинской, ногайской поэзии; 2) выявить функциональную природу формульных единиц (экспрессивно-выразительную, психологическую, мнемотехническую, композиционную).

¹ Золотая Орда была крупнейшим государством эпохи Средневековья (XII–XV вв.) на территории Центральной Азии (Золотая Орда ... , 2016; Қинаятұлы, 2004; и др.).

² *Жырау* — казахский народный поэт-импровизатор, исполнитель эпических произведений, воспевающий героические события, историю народа и нравственные идеалы. *Жырау* играли важную роль в сохранении и передаче устного наследия казахской культуры, особенно в форме *эпосов*, *жыров* (длинных песенно-поэтических произведений), и исторических сказаний.

³ Эпос «Алпамыс» (др. названия: «Алпамыш», «Алпамыс батыр») — героический эпос казахского, узбекского и других народов Центральной Азии. Произведение отражает основные черты народной культуры, мировоззрения и этики, передавая историю подвига, любви и борьбы за справедливость (см. подробнее: Нурмагамбетова, Кидайш-Покровская, 1975).

⁴ Эпос «Едиге» — героический эпос, распространённый среди тюркских народов (казахов, киргизов, татар, башкир и др.) и повествующий о подвигах и борьбе героя Едиге, который был исторической фигурой эпохи Золотой Орды в XIV–XV вв.

Источниковой базой исследования явились следующие тексты: *накыл* (назиданий) Асана Кайгы-вылы¹; фрагмент *призывания* шамана к своему эреню²; *тилек* (назидания-пожелания) Бухар жырау, а также *жыры* Шалкииз жырау и Актамберды жырау³.

Обзор литературы

Формульный стиль является основой теории *Oral Tradition* 'устная традиция'. В теории М. Пэрри и А. Лорда особое внимание уделяется тому, как формульный стиль обеспечивает запоминание и воспроизведение поэтического материала в культурах без письменности. Формулы, устойчивые сочетания слов и ритмические структуры, выступают не только средством сохранения содержания, но и способом выражения коллективного опыта, что делает их ключевым элементом устной поэзии. Эти принципы характерны для устной поэзии любого народа, в том числе и для тюркоязычной поэзии, где магические формулы и ритмизованные заклинания служили строительным материалом ранней обрядовой поэзии (Борев, 1988: 322–325).

Исследования устной традиции и формульного стиля поэзии тюркских народов велись как казахстанскими, так и зарубежными учеными, которые внесли большой вклад в изучение историко-культурных основ формульного стиля; семантическое и структурное значение формул; связь тюркской устной поэзии с мифологическими и ритуальными традициями.

Так, например, Е. М. Мелетинский (Мелетинский, 1963: 12), исследуя поэтику мифа, отмечал, что в формуле важно ее мифологическое содержание. Ученые исходят из идеи структур и семантики формул, уходящих к первичным трансформациям: суггестивным повторам, магии и ритмизованным заклинаниям. Мифологическое содержание формул ведет к реконструкции всей, широко разветвленной, тюркской звуковой системы, к тому же основанной на магически притягательном сингармонизме, порождающем сегодня много вопросов. Мифологическое содержание *астарлы сөз* 'иносказаний', образно-метафорических и эпитетных формул-двучленов ведут к пониманию глубинных структур поэтического мышления древнего ритуального посредника.

Большое значение для изучения вопросов метафоризации имеют суждения А. С. Аманжолова⁴. Оригинальный подход в изучении устной традиции предложил А. Жаксылыков (Жаксылыков, 2016). Он впервые исследовал ментальность и поэтика казахско-ногайских *жырау* XIV–XIX веков, глубинную многослойность их традиционного устного дискурса.

Среди фундаментальных исследований, имеющих наибольшую научно-теоретическую ценность, укажем на монографию Е. Д. Турсунова «Возникновение баксы, акынов, сэри и салов» (Турсунов, 1999). В ней ученый показал, как параллельно с процессом формирования героического эпоса сложился и культ предка, *аруха* — антропоморфного покровителя рода, сменившего тотема, зверя. Наиболее ранними здесь проявляются такие жанровые формы устной поэзии, как *посвящения* и *восхваления* (*арнау* и *мактау*) — все еще пока наследие тотемистической культуры (там же: 243).

В эволюции обрядово-ритуальной жизни получили развитие и другие устные *жанры-заставки*: *өсиет* 'завет', *накыл сөз* 'поучение', *толғау* 'размышление', *үндеу* 'боевая песнь-призыв в поход', *қоштасу* 'прощание с родными местами' и т. д., т. е. те формульные заставки, из которых вырастет и архаический, и классический героический эпос (Борев, 1988: 18).

Исследуя казахский классический эпос «Кобланды батыр», О. А. Нурмагамбетова и Н. К. Кидайш-Покровская раскрыли роль традиционных, издавна функционировавших в народной поэзии формульных вставок (коротких лирических и эпических песен). Тематическую и жанровую основу всех этих песен-вставок составляют анафорические эпические формулы. Они выступают «строительным» материалом сказания. Ценным для мифологии они считают наличие в прощаниях религиозных

¹ Турсунов Е. Д. Возникновение баксы, акынов, сэри и салов. Астана: Фолиант, 1999.

² Потапов Л. П. Материалы по этнографии тувинцев районов Монгун-Тайги и Хара-Холя // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы / отв. ред. Л. П. Потапов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 1. С. 171–237.

³ Бес ғасыр жырлайды: XV ғасырдан XX ғасырдың бас кезіне дейінгі ақын-жырауларының шығармалары / құраст. М. Мағауин, М. Байділдаев. Алматы: Жазушы, 1989.

⁴ Аманжолов А. С. Мир древнего охотника // Журнал «Ай». 1996. № 1. С. 6–7.

обрядов: в древние века исполнение обрядовых песен связывалось со смертью героя. Исполнение их было и для *жырау*, и для народа понятием сакральным (Нурмагамбетова, Кидайш-Покровская, 1975: 50).

Несмотря на наличие многолетней традиции исследований на этом исследовательском поле, ряд вопросов остается недостаточно решенным. Так, мало изученным еще остается генезис и эволюция формульного стиля в конкретных жанрах тюркской поэзии. Кроме того, не раскрыта функциональная роль формульных элементов в интерпретации мифологических и эпических сюжетов.

Эти пробелы побудили нас обратиться к теме формульного стиля как ключевого элемента устной традиции, чтобы раскрыть его значение для понимания генезиса и специфики тюркской поэзии.

Звуковая магия в устной традиции: анафоры, рифмы и повторы

В устном творчестве нас интересуют их поэтическая техника и формульные законы организации ими устного произведения, в особенности — использования ими разных видов древней звуковой техники: ассонанса, аллитерации, анафоры, лексического и синтаксического повторов. Особенный интерес вызывают природа и функции рифменного повтора — яркого вида древней суггестии. Регулярно воспроизводимый комплекс звуковых повторов шамана, *жырау*, других ритуальных посредников психологически воздействует на состояние слушателей, вводя их в транс. Звуковой повтор в древности был приемом магии, источником ритмизованных заклинаний. Основные функции звукового повтора в устном традиционном тексте — заострение внимания на теме, запоминание ее слушателем и передача ее новым исполнителям. Богато звуковой комплекс проявляется в поэзии казахско-ногайских и крымскотатарских *жырау*. Вот фрагмент *назидания-нақыл* казахско-ногайского автора XV в. Асана Қайғывылы¹:

<p>Көлде жүрген қоңыр қаз <i>Қыр қадірін не білсін!</i> Қырда жүрген дуадақ Су қадірін не білсін! Ауылдағы жамандар Ер қадірін не білсін!²</p>	<p>Серый гусь, живущий на озере, О ценности холма что знает? Дрофа, живущая на холмах, О ценности озера что знает? Недостойные людишки аула О ценности героя что знают?³</p>
--	--

Как видим, повтор представлен: а) тематической анафорой; б) аллитерацией; в) однородной конструкцией в виде глагольной монорифмой и образного параллелизма; г) лексическим повтором; д) внутренней монорифмой.

В других устных жанрах встречаются другие звуковые формульные комплексы. Они исполняют магические: заклинательные, лечебные или прорицательские функции. Так, исследователь тувинской традиционной культуры Л. Потапов замечает, что тувинские шаманы, используя звуковой повтор, одновременно и лечили, и прорицали (Потапов, 1960: 22). Он упоминает таких сильных шаманов, как Сары-кам и Куренгей-кам из рода *хертек* и шаманку Аалшы из рода *кара-сал*.

Рассмотрим природу анафоры в выбранном фрагменте призывания шамана к своему «эреню» (духу-помощнику) (там же: 223):

¹Турсунов Е. Д. Возникновение баксы, акынов, сэри и салов. Астана : Фолиант, 1999. С. 26.

²Здесь и далее курсивом выделены элементы формульных комплексов — анафоры, эпифоры, монорифмы и т. д. — Авт.

³Перевод К. Жанабаева.

<p>Черлер кезер чеди куум Чырык хуннунг алтында Каранының кыдыында Каргыраалыг кара хемде Халыткактыг кара таштыг Соортууктуг кара балгаш Чес-хола көвүрүглүг Хылдар көвүрүглүг Чөвүрээ көвүрүглүг Хаалгазы ажык хан кара батын-да Чеже кижги бары херек Ооңг чанында хыржыңг кажаа иштинде Кызыл хыны хыйылганиар Саны чежел чеди куу чуну билдинг Уш ковуруглуг ис кестинер-бе <...>¹</p>	<p>Рыскающие по всему свету мои семь лебедей Под светлым солнцем, В краю вечной темноты, В узком темном ущелье, В уступистых черных камнях, В засасывающей черной грязи, За латунным медным мостиком, За волосяным мостиком, За корьевым мостиком, С открытой дверью в черно-красном доме, Надо узнать, сколько там умерших Около него в плетеном загоне, Красной кровью поливших, Сколько их, семь лебедей, что узнали? Осмотрели ли следы у трех мостов? <...></p>
--	--

В этом предсказании повтор представлен анафорой трех видов: простой (1. Черлер... 2. Чырык...); слоговой усеченной (3. Кар... 4. Кар...) и строчной синтаксической (5. кара... 6. кара...).

Простая анафора представляет тематический зачин: первая тема о том, как семь лебедей «рыскают» под светлым солнцем:

Черлер кезиир чеди куум

Чырык хуннунг алдында

Тема второй, слоговой усеченной, анафоры — вечная тьма, темное ущелье:

Караңгының кыдыында

Каргыраалыг кара хемде

Как видим, каждая из анафорических формул содержит свою тему. Эти формулы составляют антитезу, или световую бинарную оппозицию: свет, солнце — тьма. Этот контраст придает поэтической речи яркую изобразительность, способствуя более острому восприятию слушателя и быстрому его запоминанию. Функцию заострения внимания и запоминания, кроме анафоры, исполняют и другие звуковые повторы, основанные на мягкости и твердости, а также — аллитерация, реже ассонанс:

Черлер кезиир чеди куум...	(только мягкие звуки)
Соруп турар кара малгаш	(только твердые звуки)

Выступая зачином, тематические анафоры выступают и формулой, «техническим» средством для последующих исполнителей и несут в себе мифологическое содержание (Мелетинский, 1963: 12). Помимо звуковых переключек и световой оппозиции, такие слова, как *чер* ‘земля’ (каз. *жер*); *чырык*

¹ Здесь цитата приведена в написании источника. В правильном написании фраза выглядит следующим образом:

Черлер кезиир чеди куум

Чырык хуннунг алдында

Караңгының кыдыында

Каргыраалыг кара хемде

Халыткактыг кара даштыг

Соруп турар кара малгаш

Чес-хола көвүрүглүг

Хыл көвүрүглүг

Чөвүрээ көвүрүглүг

Хаалгазы ажык хан кара бажыңда

Чеже кижги бары херек

Ооңг чанында хыртыңг кажаа иштинде

Кызыл хан синген

Саны чежел, чеди куу, чүнү билдиңер?

Үш көвүрүгдө ис кезий көрдүнер бе <...>. — ред.

Далее в примерах приводятся фразы из правильного написания.

‘свет’ (каз. *шырақ* ‘свет’, ‘светильник’, ‘лучина’ и т. д.); *кара* ‘черный’ (каз. *кара* и т. д.); — ведут тюркологов к более глубинным этимологическим и ностратическим параллелям в тюркской и мировой устной традиции (например: *чер* ‘земля’ — *черный*, *чернавка*, *черт*, *черта* и т. д.). Подобное семантическое богатство наводит мысль исследователя и на связи текста с мифом и обрядом.

Рассмотрим строчную (синтаксическую) анафору и эпифору в тексте (Потапов, 1960: 223):

Халыткактыг <i>кара</i> таштыг	(анафора <i>строчная</i> , лексический повтор)
Соруп турар <i>кара</i> малгаш	(анафора <i>строчная</i> , лексический повтор)
Чес-хола <i>көвүрүглүг</i>	(эпифора в виде <i>монорифмы</i>)
Хылдар <i>көвүрүглүг</i>	(эпифора в виде <i>монорифмы</i>)

Функция строчной анафоры (*кара*) — усилить существенную идею прорицания. Такое усиление происходит за счет трехкратного лексического повтора *кара — кара — кара*. Кольцевой прием строчной анафоры решает и композиционную задачу, заключая собой содержание произведения и усиливая его воздействие на звуковом (ритмизованном) и цветовом плане. Кольцевой прием — это еще все та же демонстрация древнего магического обряда, «слепок» шаманского кружения.

Эпифора также представлена здесь трехкратным лексическим повтором, в виде монорифмы *көвүрүглүг* (мостик), функция которой — усилить внушение. Основным здесь выступает образ *мостика* со всеми его образными характеристиками (Потапов, 1960: 223):

Чес-хола <i>көвүрүглүг</i> Хылдар <i>көвүрүглүг</i>	За латунным медным <i>мостиком</i> , За волосяным <i>мостиком</i> ...
--	--

Этот сакральный образ наделяется разными эпитетами: *латунный*, *медный*, *волосной*. В мировой мифологической культуре, в тюркской — также, мост выступает связью миров или переходом в другие пространства. Украшающие его эпитетные образные формулы способствуют, с одной стороны — изобразительности произведения, а с другой — усиливают его звуковую выразительность. Выступая звуковой «строительной» фактурой, этот троекратный повтор реализует основную цель — заострить внимание реципиента на образе моста как на существенном предмете прорицания. Сочетание по типу «существительное + прилагательное»: «*латунный медный мост*», «*волосной мост*», в котором существительное связано с традиционным эпитетом, выступает здесь эпитетным двучленом, или эпитетной образной формулой. Такие эпитеты, по мнению исследователей, в образной формуле указывают на устойчивые признаки слов-понятий и репрезентируют оценочно-эмоциональный момент (Бектуров, 1989: 37), то есть здесь выделяется отдельный образ, способствуя некоей *существенной идее* прорицания (*essential idea*, по Лорду). Таким образом, функция звуковой формулы и здесь заключается: а) в заострении внимания на идее, на образе; б) в организации текста; в) в усилении восприятия речи и наилучшего ее уяснения и запоминания.

Богатая многовековая устная поэтическая культура тюркоязычных кочевых народов (казахов, тувинцев, ногайцев, крымских татар и других) представляется ценным источником для самых разных исследований устной теории — от сущности древних первичных трансформаций (звукоподражаний природе) до «общих мест» (*loci communes*) в тюркской и мировой устной поэзии, а устный героический эпос представляет собой гигантскую мега-формулу, составленную из безграничного числа и разнообразия устных формульных единиц.

Такой устной формулой для казахов, каракалпаков, кыргызов, тувинцев, якутов, ногайцев и других тюркоязычных народов выступает имя их предка, их эпического батыра. Благодаря имени они «вспоминают» свои произведения: «Манас», «Кобланды», «Алпамыс», «Ер Шобан», «Ер Кабанбай», «Эр Соготох», «Ер Мамай», «Урак батыр», «Ер Едиге» и т. д. Это имена их национальных героев или покровителей рода (аруахов) — вечно живая формула эпоса и истории, созидательный устного сказания и его смысл.

Особенно показателен эпитет *Ер* ‘герой’: Ер Мамай, Ер Едиге, Эр Соготох, Ер Таргын и так далее. Он образует эпитетный двучлен и выступает образной формулой. Как архаический, так и классический героический эпос тюркских кочевых племен — плод развития многовековой формульной системы, начиная с ее первичных трансформаций, мимесиса (подражания природным звукам — источника ассонанса, аллитерации и анафоры) и до полного ее сложения как мега-формулы, эпитета-памяти о герое, зафиксированного и сохраненного в эпическом имени-формуле.

Рассмотрим теперь другой вид эпической формулы — традиционную *анафорическую*: «Жел, жел есер, жел есер» ‘Ветер, ветер веет, ветер веет’, очень популярную в устной поэзии казахских и ногайских *жырау*:

<i>Шалкииз, XV в. (ногайск.)</i>	<i>Ақтамберді, XVIII в. (казахск.)</i>
Жел, жел есер, жел есер, Жел астына карасам, Қоға менен тал өсер... ¹	Жел, жел есер, жел есер, Жекендейін саусылдап Ораздының ұлы өсер... ²

Как можем заметить, в обоих случаях анафора включает в свой состав аллитерацию и глагольную монорифму. Кроме того, эта анафора тематическая — зачинает тему и жанр *толғау*-размышления.

Как любая формула, анафорическая тематическая выполняет свою главную функцию — выражает существенную идею (*essential idea*). Здесь она философская, мировоззренческая: о ветре как могучей и необъяснимой (удивительной) силе, меняющей мир, как о времени. Троекратный лексический повтор слова «ветер» (каз. *жел*) усиливает образ этой природной стихии до почти гиперболического (мифологического) описания Времени.

Данную анафорическую формулу следует назвать эпической: в качестве традиционного зачина она часто (и ритмически, и синтаксически) воспроизводится разными певцами, разных тюркских племен, в разные исторические времена. В данной эпической формуле уже заложены тема, стиль, и жанр будущего произведения. Выступая идейно-тематическим зачином и в силу своей устойчивой структуры (семи-восьми слогов), она придает устному произведению строгую эпическую форму, основанную на *жыре* ‘метре’, состоящим из семи-восьми слогов. Вот примеры из устной практики разных кочевых тюркоязычных народов:

<i>Асан Кайгывылы, XV в. (ногайск.)</i>	<i>Ақтамберді, XVIII в. (казахск.)</i>	<i>Тувинское призывание</i>
Көлде жүрген қоңыр қаз (7 слогов)	Жел, жел есер, жел есер (7 слогов)	Черлер кезиір чеди куум (7 слогов)
Қыр қадірін не білсін! (7 слогов)	Жекендейін саусылдап (7 слогов)	Чырык хүннүң алдында (7 слогов)

Семисложник в тюркской устной эпической культуре — явление частое, его применение в устной практике тюркоязычных певцов — показатель глубокой древности самой эпической анафорической формулы, ее организующей роли в историческом развитии эпоса кочевых тюркских народов.

Ярким примером организующей функции такой эпической тематической анафорической формулы, состоящей из 7–8 слогов, может послужить *тілек* (назидание) казахского героического певца XVIII в. Бухар жырау:

¹ Бес ғасыр жырлайды: XV ғасырдан XX ғасырдың бас кезіне дейінгі ақын-жырауларының шығармалары / құраст. М. Мағауин, М. Байділдаев. Алматы: Жазушы, 1989. Б. 42.

² Там же. Б. 58.

Бірінші тілек тілеңіз, 8 слогов: 3+2+3	Первое пожелайте себе:
Бір аллаға жазбасқа. 7 слогов: 1+3+3	Перед Аллахом не имей вины.
Екінші тілек тілеңіз, 8 слогов: 3+2+3	Второе пожелайте себе:
Ер шұғыл пасық залымның 8 слогов: 3+2+3	В спешке не увлечься за злодеем,
Тіліне еріп азбасқа. 8 слогов: 3+2+3	Не следовать ему.
Үшінші тілек тілеңіз... 8 слогов: 3+2+3 ¹	Третье пожелайте себе... ²

Строфическую композицию, многочастную структуру данного *тілек*-пожелания составили следующие друг за другом анафорические формулы-зачины, с постоянной трехсложной рифмой. Чередуясь, эти семи-восьмисложные зачины раскрывают тему за темой этого пожелания. В конце каждой темы стихи заключены трехсложной глагольной рифмой. Таких анафорических формул-параллелей во всем тексте одиннадцать, и мы взяли лишь фрагмент из этого пожелания. Как видим, каждая анафорическая формула проводит только свою собственную тему. Она отличается также и своей собственной звуковой характеристикой: по твердости и мягкости стихов, что имеет важное значение для запоминания тем и для благозвучия речи:

Бірінші тілек тілеңіз, Бір аллаға жазбасқа. Екінші тілек тілеңіз, Ер шұғыл пасық залымның Тіліне еріп азбасқа. Үшінші тілек тілеңіз, Үш кілсіз...	(ряд мягких звуков) (смешанный ряд) (ряд мягких звуков) (ряд твердых звуков) (смешанный ряд) (ряд мягких звуков) (ряд мягких звуков)
---	--

Примечательно, что строгость линий суждения обеспечена постоянной (устойчивой) трехсложной глагольной рифмой *тілеңіз* в виде монорифмы. С ключевым словом *тілек* эта рифма составила формулу — *тілек тілеңіз*. Она заостряет внимание на теме.

Как видим, каждая из анафорических тематических формул несет в себе свою *essential idea*. Регулярный зачин: *во-первых...*, *во-вторых...*, *в-третьих...*, — а также повтор синтаксической анафоры: *тілек тілеңіз...тілек тілеңіз — пожелайте себе*, — придают тексту размеренную ритмику, присущую назидательному и философскому жанру, формируя цельный звуковой и *идейно-тематический* комплекс, а его рифменная организация отправляет исследователя к структуре древних заклинаний, к магии. Исследователь уйгурской поэзии А. Т. Хамраев отмечает, что анафорический повтор в тюркоязычной устной поэзии занимает ведущее место и, выступая «системой систем», включает в свой состав самые разнообразные виды звукового повтора: *рифменный, эмбриональный, аллитерационный, эпифорический* (Хамраев, 1996: 3–17).

Таким образом, анализ формульных механизмов организации устной поэзии тюркских народов позволил установить, что звуковые повторы в традиционной казахской, тувинской и ногайской поэ-

¹ Бес ғасыр жырлайды: XV ғасырдан XX ғасырдың бас кезіне дейінгі ақын-жырауларының шығармалары / Құраст. М. Мағауин, М. Байділдаев. Алматы: Жазушы, 1989. Т. 1. Б. 82.

² Перевод К. Жанабаева.

зии не только задают композиционную рамку произведения и поддерживают ритмическую организацию текста, но также выполняют важную суггестивную функцию. Анафорические формулы создают эффект магического внушения и связи с сакральными силами, а монорифменные повторы, семи- и восьмисложные структуры стиха упрощают запоминание текста и его передачу от поколения к поколению.

Функции формульных единиц в устной поэзии тюрков

Основной показатель формульного стиля устной поэзии — регулярно употребляемый повтор слова или группы слов, служащий для выражения основной идеи (Абылкасимов, 1984: 71). То, что Б. Ш. Абылкасимов назвал эту идею основной, на наш взгляд, является не совсем точным определением, поскольку основная идея — это именно та, которая составляет идею всего произведения. А существенная идея проявляет себя везде: в каждом эпитетном двучлене, в каждом образном параллелизме, в любом виде повтора (фоносемантическом, лексическом, синтаксическом). Она раскрывает конкретный, семантически важный, смысл, выделяет признак, свойство изображаемого предмета или события, — поэтому и называется существенной. Тут принципиальная разница.

Так, наблюдения над традиционной семантикой и структурой стиха ногойского *жыра* позволили выявить комплексно-звуковую, функциональную природу его формульных единиц.

Рассмотрим на примере:

<p><i>Ор, ор қоян, ор қоян,</i> <i>Ор қоян атлы бір қоян.</i> <i>Он екі көжек атасы,</i> <i>Қаудырқұлақ шал қоян¹.</i></p>	<p>Рыжий, рыжий заяц, рыжий заяц, Рыжий ты заяц, все одно — заяц. Отец двенадцати зайчат, Вислоухий старый заяц².</p>
--	---

Экспрессивно-выразительная функция формульных единиц выражается в том что резвый *поскок* зайца изображен ритмом: 1+3+3, т. е. подъемом и спадом звука: *верх /верх-низ /верх-низ* — в повторе формулы *ор, ор қоян*.

Психологическая функция заостряет внимание на сатирическом изображении персонажа. Так, многократный повтор цветовой эпитета *ор — рыжий* — характеризует суетливого человека, которого под образом зайца иронически высмеивает жырау, говоря о неумении того вести свой многочисленный род к достатку, к благу.

Мнемотехническая функция — запоминание, передача текста посредством звуковой техники. В приведенном отрывке и лексический повтор, и тематическая анафорическая формула заостряют внимание слушателя на звуковой технике. Ее основная цель — выразительность речи и запоминание для передачи ее другому певцу.

Композиционная функция — усиление многократности действия или длительности события. Многократный лексический повтор основного образа (зайца-*қоян*) расширил ритмическое пространство его *поскока*: он *скачет* не только по горизонтали, не только *вверх-вниз*, но и по всему тексту, и, как бы, — в разные стороны. Эти поскоки играют основную роль в композиции образа, в сатирическом описании персонажа и в формировании жанра художественного произведения.

Как видим, выступая стилистическим приемом, формула придает устной речи образность и выразительность. Она усиливает динамику образа и интонации, организуя речь ритмически. Анализ звуковой структуры и традиционной семантики устной тюркоязычной поэзии выявил комплексно-звуковую и функциональную природу ее различных формульных единиц, привел нас к пониманию связи звуковых формул с первичными трансформациями — ритмическими заклинаниями, магией, суггестией. Сегодня это актуальное поле для исследований поэтического мышления ритуальных по-

¹ Бес ғасыр жырайды: XV ғасырдан XX ғасырдың бас кезіне дейінгі ақын-жырауларының шығармалары / Құраст. М. Мағауин, М. Байділдаев. Алматы: Жазушы, 1989. Т. 1. С. 47.

² Перевод К. Жанабаева.

средников, их магической «формульной» техники для реконструкции обряда и ритуала, для генезиса самого эпоса и традиционных жанров (вставок) устной поэзии.

Устная традиция благодаря формульному стилю всегда была неисчерпаемым источником для новых устных жанров, а традиционная поэтическая техника — бесконечно реализовывала порождающую, преобразовательную и созидательную функции.

Заключение

Таким образом, исследование формульного стиля устной поэзии тюркских народов на основе анализа содержащих в нем различных элементов показало, что формульный стиль выступает и «строительным», и художественным средством для устных произведений.

В ходе исследования были описаны анафора, играющая ведущую роль в устном произведении. Мы представили структурные ее формы: простая звуковая, слоговая, лексическая, строчная (синтаксическая), — указали на ее важные функции — заострение внимания на теме, образе или идее, и — запоминание формул и правил поэтической техники в целях воссоздания новых произведений уже другими певцами. Это основной аспект устной теории Пэрри-Лорда.

Нами описана изобразительная и выразительная функции лексического повтора, раскрыто его влияние на формирование темы, жанра, стиля и композиции. Лексический повтор придает речи певца экспрессию (выразительность и изобразительность), динамику «движущемуся» образу и самому тексту. Все описанные формульно-стилевые единицы (анафора разных видов, звуковой синтаксический параллелизм, рифменный повтор и т. д.) открывают путь к реконструкции мифологической истории древних поэтических форм и мышления ритуальных посредников, проводников обряда тюркских кочевых племен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абылкасимов, Б. (1984) Жанр толгау в казахской устной поэзии. Алма-Ата : Наука. 118 с.
- Аманжолов, А. С. (2003) История и теория древнетюркского письма. Алматы : Мектеп. 366 с.
- Бектуров, Ж. Ж. (1989) К характеристике лексического и образно-семантического фонда памятников казахской поэзии XV–XVIII веков // Исследования по истории и семантике стиха: сборник научных трудов / ред. Х. Г. Омарова. Караганда : Издательство КарГУ. 120 с. С. 37–44.
- Богданова, М. И. (1947) Киргизская литература. М. : Советский писатель. 289 с.
- Борев, Ю. Б. (1988) Эстетика. М. : Политиздат. 496 с.
- Жаксылыков, А. Ж. (2016) Поэзия жырау XIV–XIX вв. Ментальность и поэтика. Алматы : Таңбалы. 160 с.
- Жаңабаев, К., Ақбердіқызы, У. (2015) Устная теория Парри-Лорда: позитивная критика // Вестник КазНУ. Серия филологическая. № 6. С. 52–57.
- Золотая Орда в мировой истории (2016) / науч. рук. проекта: В. Трепавлов; отв. ред.: И. Миргалеев, Р. Хаутала. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 968 с.
- Кинаятұлы, З. (2004) Қазақ мемлекеті және Жошы хан (тарихи-сараптамалық зерттеу) [Казахское государство и Джучи хан (историко-экспертное исследование)]. Астана : Ел орда. 344 б.
- Магауин, М. (1978) Поэзия казахских степей // Поэты Казахстана / авт. предисл., сост., примеч. М. М. Магауин, ред. Е. М. Винокуров и др. Л. : Изд-во «Советский писатель». 708 с. С. 6–60.
- Мелетинский, Е. М. (1963) Современные теории происхождения эпоса // Происхождение героического эпоса: ранние формы и архаические памятники / редкол.: Е. М. Мелетинский (пред.) и др. М. : Изд-во восточной литературы. 462 с. С. 5–20.
- Нурмагамбетова, О. А., Кидайш-Покровская, Н. В. (1975) Кобланды-батыр. Казахский героический эпос. М. : Главная редакция восточной литературы. 444 с.
- Потапов, Л. П. (1960) Материалы по этнографии тувинцев районов Монгун-Тайги и Хара-Холя // Труды тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы / отв. ред. Л. П. Потапов. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. Т. 1. 319 с. С. 171–237.

Стеблева, И. В. (1984) Древняя тюркоязычная литература // История Всемирной литературы : в 8 т. / редколлегия: Г. П. Бердников (гл. ред.) и др. М. : Наука. Т. 2. 670 с. С. 196–205.

Турсунов, Е. Д. (1999) Возникновение баксы, акынов, сэри и салов. Астана : Фолиант. 252 с.

Хамраев, А. Т. (1996) Рифма и проблемы звуковой организации уйгурского стиха. Алматы : Наука. 180 с.

Lord, A. B. (1964) *The Singer of Tales*. Cambridge : Mass. 338 p.

Parry, M. (1930) *Studies in the Epic Technique of oral verse-making: I Homer and Homeric style* // *Harvard Studies in Classical Philology*. Vol. 41. P. 73–148.

Дата поступления: 16.10.2024 г.

Дата принятия: 30.10.2024 г.

REFERENCES

- Abylkasimov, B. (1984) *The Genre of Tolgau in Kazakh Oral Poetry*. Alma-Ata, Nauka. 118 p. (In Russ.)
- Amanzholov, A. S. (2003) *History and Theory of Ancient Turkic Writing*. Almaty, Mektep. 366 p. (In Russ.)
- Bekturov, Zh. Zh. (1989) On the Characteristics of the Lexical and Figurative-Semantic Fund of Kazakh Poetry Monuments of the 15th–18th Centuries. In: Omarova, Kh. G. (ed.) *Research on the History and Semantics of Verse: Collection of Scientific Papers*. Karaganda, KarGU Publ. 120 p. Pp. 37–44. (In Russ.)
- Bogdanova, M. I. (1947) *Kyrgyz Literature*. Moscow, Sovetskii pisatel'. 289 p. (In Russ.)
- Borev, Yu. B. (1988) *Aesthetics*. Moscow, Politizdat. 496 p. (In Russ.)
- Zhaksylykov, A. Zh. (2016) *Poetry of Zhyrau of the 14th–19th Centuries: Mentality and Poetics*. Almaty, Tangbaly. 160 p. (In Russ.)
- Zhanabaev, K. and Akberdikyzy, U. (2015) The Oral Theory of Parry and Lord: A Positive Critique. *Vestnik KazNU. Seriya filologicheskaya*, no. 6, pp. 52–57. (In Russ.)
- The Golden Horde in World History* (2016) / editors: I. Mirgaleev, R. Khautala. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. 968 p. (In Russ.)
- Qinayatuly, Z. (2004) *Kazakh State and Jochi Khan (Historical and Analytical Study)*. Astana, El Orda. 344 p. (In Russ.)
- Magauin, M. (1978) Poetry of the Kazakh Steppes. In: Magauin, M. M. (ed.) *Poets of Kazakhstan*. Leningrad, Sovetskii pisatel'. 708 p. Pp. 6–60. (In Russ.)
- Meletinsky, E. M. (1963) Modern Theories of the Origin of the Epic. In: Meletinsky, E. M. (ed.) *The Origin of the Heroic Epic: Early Forms and Archaic Monuments*. Moscow, Izdatel'stvo vostochnoi literatury. 462 p. Pp. 5–20. (In Russ.)
- Nurmagambetova, O. A. and Kidaish-Pokrovskaya, N. V. (1975) *Koblandy-Batyr: Kazakh Heroic Epic*. Moscow, Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury. 444 p. (In Russ.)
- Potapov, L. P. (1960) Materials on the Ethnography of the Tuvinians of the Mongun-Taiga and Khara-Khol Districts. In: Potapov, L. P. (ed.) *Proceedings of the Tuvan Comprehensive Archaeological and Ethnographic Expedition: Materials on the Archaeology and Ethnography of Western Tuva*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. Vol. 1. 319 p. Pp. 171–237. (In Russ.)
- Stebleva, I. V. (1984) Ancient Turkic Literature. In: Berdnikov, G. P. (ed.) *History of World Literature: in 8 vol*. Moscow, Nauka. Vol. 2. 670 p. Pp. 196–205. (In Russ.)
- Tursunov, E. D. (1999) *The Emergence of Bakhsy, Akyny, Seri and Saly*. Astana, Foliant. 252 p. (In Russ.)
- Khamraev, A. T. (1996) *Rhyme and Problems of Sound Organization in Uyghur Verse*. Almaty, Nauka. 180 p. (In Russ.)
- Lord, A. B. (1964) *The Singer of Tales*. Cambridge, Mass. 338 p.
- Parry, M. (1930) *Studies in the Epic Technique of oral verse-making: I Homer and Homeric style*. *Harvard Studies in Classical Philology*, vol. 41, pp. 73–148.

Submission date: 16.10.2024.

Acceptance date: 30.10.2024.